

Жизнь на кону

Альфредо Бонанно

1990

Альфредо Бонанно
Жизнь на кону
1990

Сохранено 16 сентября 2011г. из a-read.narod.ru
Перевод А. Бренера и Б. Шурц
Впервые опубликовано в сборнике «На ножах со всем
существующим», Умопомрачительный самиздат, Рига,
2006

ru.theanarchistlibrary.org

С начала времён человек приобрёл вкус к приключению и риску, а также к искажённым формам игры, вроде дуэли и охоты. Игры, ставящие жизнь играющего на последнюю черту, существовали уже в античности. Но, оставив в стороне примеры из древности, вспомним хотя бы «русскую рулетку», которая многим знакома из русских романов и американских фильмов. В пятидесятые годы вышел фильм о насилии в американской глубинке. В нём была показана игра под названием «заячий скачок» - автомобильные гонки подростков к краю пропасти. Тот, кто выпрыгивает из машины в последний момент, побеждает.

Совсем недавно в новостях появились репортажи об «авторулётке», заключающейся в гонке против движения: кто промчится дальше всех, выигрывает. Ещё одна игра, вошедшая в моду у израильских школьников (некоторым из них меньше десяти), состоит в том, что дети ставят школьную сумку на дорогу и выхватывают её из-под носа проезжающего автомобиля. Кто ухитрится выхватить ранец из-под самых колёс — победитель. Согласно газетам, некоторые мальчики погибли, играя в это.

Почему же им пришло в голову рисковать собственной жизнью?

Ответ мог бы быть таким: из-за «кризиса ценностей» в развитом пост-индустриальном обществе, которое лишает своих детей будущего. Ещё один недавний американский фильм о войне уличных банд в Лос-Анджелесе кончается тем, что подросток, не желая быть арестованным, стреляет в полицейского, вопя: «Нет будущего!». Что ж, может быть, это и так. Ежедневный опыт, определяющий развитие индивида, претерпел в последние годы серьёзные изменения — из-за трансформации социальных и экономических институций развитых капиталистических стран. Мысли, чувства и поступки индивидов определяются уже новыми ситуациями (и новыми фрустрациями), по ту сторону всяких гарантий и структур безопасности.

Это заставляет молодых людей (в первую очередь тех, кому трудно справиться с данными ситуациями и кто не обзавёлся надёжной идеологией) чувствовать, что они «обделены ценностями» и не способны «придать жизни хоть какой-нибудь смысл».

Однако этот ответ слишком прост. Почему? Во-первых, потому, что глупо сводить всё к действующему социальному механизму, якобы управляющему миром и людьми. За подобным подходом кроется своего рода неопределённый, препятствующий реальному пониманию мотивов и истоков вещей, которые — будучи вынесены на свет — могут помочь нам мыслить наперекор власти и противодействовать ей.

Социальная дезинтеграция — результат экономического реструктурирования восьмидесятых годов — безусловно является одной из причин обвала ценностей, утвердившихся в послевоенный период и просуществовавших до конца семидесятых. Такая институция, как семья (всё более утрачивающая прочность и способность решать за-

дачи, некогда предписанные ей буржуазией), рушится не только под ударами изменённых условий работы и производства, но и под натиском различных идей, культуры, концептов времени и пространства и т. п. Каждый из этих элементов (было бы явным упрощением объединить их под этикеткой «экономики») создаёт условия, требующие особого рассмотрения. Все они чрезвычайно важны и составляют связующую ткань, на которую и ложатся чувства, мысли и действия молодых людей, идущих на сегодняшние футбольные стадионы и играющих своей жизнью сотней способов, ощущая себя лишёнными всякого будущего, вне любых гарантий и надежд.

Здесь мы не просто сталкиваемся с маргинальным феноменом запоздалой включённости молодёжи в социальную жизнь. Это было всегда. Но размах и напряжение нынешнего феномена превосходят все «тревоги» прошлого. И если мы хотим это осознать, мы в первую очередь должны присмотреться к собственным способам размышления. Раньше мы думали (и это было оправданно), что рабочие условия сущностны для понимания того, почему пролетариат ведёт классовую борьбу. Но объективные условия изменились. Мы полагали, что борьба рабочего класса обязательно ведёт к революционному сознанию — из-за очевидных дефектов в системе производства. Но сейчас подобные механические мысли просто невозможны.

Мы говорили, что тормозящий момент в классовой борьбе — семья, обрабатывающая молодёжь в пользу власти и послушания, а потом эта обработка продолжается в школе, в армии, на работе. Но вещи меняются. Разные концепты и идеологии вторглись с тех пор в семью, потрясая и разрушая её традиционную силу. Информация проникает в дома через телевидение, изничтожая цензурирующие родительские фильтры. Семья теряет свой авторитет, опиравшийся некогда на элементарную физическую силу. Но

государство взяло под контроль насилие над малолетними. Семейные утечи, тревоги и радости — предмет станковой живописи семнадцатого века — обернулись отсутствием всяких чувств, характерным ныне для этой институции. И мы, анархисты, одними из первых предприняли критическую атаку на семью как источник многих ужасов классового общества.

То же касается школы. В девятнадцатом веке мы ясно увидели её границы, её несостоятельность и выступили за либертарную форму образования, которую сейчас пропагандируют интеллектуалы системы. Однако способны ли мы понять, что происходит в нынешней школе? Наша критика в этой области находится в замороженном состоянии.

Уровень анархистского анализа сегодня не соответствует быстрым изменениям, происходящим в обществе и экономике. Анархистская критика новейшего производства ничтожна, а настаивание на методах и идеях анархосиндикализма только заводит в тупик.

По нашему мнению, новые реальности не могут быть поняты с помощью старых анализов, даже если эти анализы были правильны в прошлом. На базе устаревших анализов проблематично атаковать сегодняшнюю систему — она опережает нас. Пример семьи здесь показателен. Когда-то мы выявили репрессивные функции этой институции, но сейчас не можем прийти к необходимым заключениям.

Перед лицом тех молодых людей, которым нужен весомый довод, чтобы не рисковать жизнью просто так, мы не знаем, что сказать. Другие дают молодёжи свои ответы, и хотя мы понимаем, что эти ответы — ложь, молодые принимают их за чистую монету, растрачивая тем самым свою освободительную агрессию и превращая себя в послушные инструменты власти. Где же наше воображение и наша способность к анализу? Другие говорят молодым, что жизнь

ценна сама по себе, что бог подарил нам её, что она служит наслаждениям, что она нужна революции, культуре, нации, человечеству, сохранению рода, обществу и т. д. Мы понимаем, что все эти утверждения ложны, но не знаем, что предложить молодым в качестве реальной альтернативы, когда они рискуют своей жизнью ради риска.